

РАБОЧИЙ

ВСЕБЕЛОРУССКАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ РАБОЧАЯ ГАЗЕТА —
ИЗДАНИЕ ЦК КП(б)Б И ЦСПСБ

№ 189 (2428)
ВОСКРЕСЕНЬЕ
23
АВГУСТА
1936 г.

ПЕРЕДОВОЙ ОТРЯД МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНТРЕВОЛЮЦИИ РАЗГРОМЛЕН.
ТРОЦКИСТСКО-ЗИНОВЬЕВСКИЕ ИУДУШКИ РАЗОБЛАЧЕНЫ ДО КОНЦА. ВСЕ
НАРОД ГОРЯЧО ПОДДЕРЖИВАЕТ ТРЕБОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРОКУРОРА —
РАССТРЕЛЯТЬ ВСЕХ УЧАСТНИКОВ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ЦЕНТРА — ГНУСНЫХ
АГЕНТОВ ФАШИСТСКОЙ ОХРАНКИ — ТРОЦКИСТСКО-ЗИНОВЬЕВСКУЮ БАНДУ

НЕИССЯКАЕМА ЛЮБОВЬ, БЕЗГРАНИЧНА ПРЕДАННОСТЬ НАРОДОВ ВЕЛИКОЙ СТРАНЫ СОЦИАЛИЗМА ПАРТИИ И ДОРОГОМУ СТАЛИНУ

ЧАС ВОЗМЕЗДИЯ

Обвинительная речь Прокурора Сою-
за ССР на процессе троцкистско-зи-
новьевского террористического центра
явилась блестящим анализом и раз-
облачением всей «деятельности» своры
убийц, возглавляемой трижды пре-
зренными Троцким, Зиновьевым и Ка-
меневым в тесном союзе с германской
фашистской охранкой.

«Этот процесс», — говорил в своей об-
винительной речи тов. Вышинский, —
открыл до конца и еще раз доказал,
как велика и безмерна злоба и нена-
висть наших врагов к великому делу
социализма, процесс показал как ни-
чтожны эти враги, мученицы и ни-
дающиеся от одного преступления к
другому. Презренная, ничтожная, бес-
стыдная кучка предателей и убийц —
она думала остановить своими глупы-
ми преступлениями бегущее могучее
сердце нашего великого народа. Пре-
зренная, ничтожная кучка авантюри-
стов пыталась грязными ногами выпо-
лзать лучше благоухающие цветы в
нашем социалистическом саду. Эти
ошарашенные псы капитализма пыта-
лись разорвать на части самых луч-
ших из лучших людей нашей совет-
ской земли».

Эти гадкие мотыльки потопили в крови
нашу великую родину, отняли у нас
нашу светлую радостную жизнь, на-
ши завоевания, которые добыты нами
в ожесточенной классовой борьбе. На-
ше читательское показание этих агентов из
фашистской Гестапо, кулаки сжима-
ются от злобы и негодования. Все
наше и выше возмущается мощная
волна народного гнева против подлых,
презренных наемников буржуазии.

В кого метили Троцкий, Зиновьев,
Каменев и возглавляемая ими свора
псов фашизма? Они направляли свой
удар против того, кто в суровой борь-
бе с троцкистами, зинovieвцами, с
правыми оппортунистами, со всеми
врагами социализма отстаивал теорию
Маркса-Ленина, развил и обогатил
ее; против того, кто является органи-
затором побед социализма, вдохнови-
телем и творцом нового социалисти-
ческого общества; против того, кто
является мозгом и сердцем нашей ро-
дины, чья имя с величайшей любовью,
надеждой и преданностью произносит
все трудящееся человечество.

Троцкий взял лично на себя органи-
зацию террористических актов. Своих
отборных молодчиков он отправлял на
лучину и палачу немецкого народа
Гимлеру — руководителю фашистской
Гестапо. Эти гнусные выродки потер-
ли человеческий облик. Их злодеяния
затмили самые дикие преступления,
которые совершали когда-либо самые
закоренелые разбойничьи банды. Они
пытались покончить с устом, пролетар-
ской диктатурой, помочь поджигателям
пожаров расстрелять пожар войны
против СССР. Они хотели обстрелять
ленинско-сталинский штаб нашей
партии, нашей родины из фашистских
револьверов в тот момент, когда фа-
шистская Германия и ее союзники ли-
хорадочно готовятся к тому, чтобы
обстрелять СССР из фашистских пу-
шек.

«Эти господа признавали, — говорил
тов. Вышинский, — что у них не было
никакой программы, однако, ко-
нечная «программа» у них была. Была у них
программа и внутренней политики и
внешней политики. Внутренняя поли-
тика определялась в их программе од-
ним словом — «убить».

Потопить страну в крови интервен-
ции, передать ее германскому фашиз-
му — таков был их внешний курс.
Банда убийц и уголовных преступни-
ков стремилась через убийства добыть
власть. В этом они цинично и от-
кровенно сами признались. Такова по-

000

НАШ СТАЛИН — ЭТО НАША ЖИЗНЬ

МОУЛЕН. 22. Нарастает волна
гнева и ненависти к бандитам из
контрреволюционного троцкистско-зи-
новьевского бозота. В колхозах рай-
она проходят митинги и собрания.
Как один все колхозники требуют
расстрелять наймитов фашизма из
троцкистско-зинovieвского террорис-
тического центра.

Внимательно слушали колхозники
артели «Чирюм партизан» чтение
обвинительного заключения. После
сказания 80-летнего колхозника Парфеен-
ко Никанор высказал мнение всех
колхозников. Он сказал:

— Подлецы готовили покушение
на нашего дорогого Сталина. Эти
они покушались на нашу радость

жизни. Я прожила 80 лет и никогда
не было для меня человека такого
близкого и родного, как Сталина. Наш
Сталин — это наша жизнь. Своих
вождей мы всегда зачитывали от всяких
гадов. Никакой пощады этим прода-
м, их нужно расстрелять!

МОЛЕВИЧ. 22. В колхозах При-
лонского, Варатковского, Амелянов-
ского и др. сельсоветов состоялся
многочисленные митинги в связи с су-
ждением над контрреволюционерами-троц-
кистами и зинovieвцами.

В своих резолюциях колхозники
требуют от пролетарского суда пра-
дливой и высшей меры наказания.

Общегородское собрание партийного актива

Сегодня, 23 августа в 7 часов вечера, в большом
зале Дома партактива созывается общегородское собрание
партийного актива города Минска.
Билеты в горрайкомах КП(б)Б.
Секретарь Мингоркома КП(б)Б ХОДАСЕВИЧ.

ЦК ВКП(б) — товарищу СТАЛИНУ

(Письмо рабочих краснознаменного завода «Большевик»)

Судебное следствие по делу подлой троцкистско-
зинovieвской банды убийц закончено. Оно целиком
подтвердило обвинительное заключение Прокуратуры
СССР. До конца перед всем миром разоблачены три-
жды презренные, продажные агенты германской
охранки — Троцкий, Зиновьев, Каменев и их при-
сешники.

Великий священный гнев народа, подобно снеж-
ной лавине в горах, нарастал все больше и больше
по мере того, как судебное следствие вскрывало все
новые детали чудовищного злодеяния, задуманного
выродками человечества — троцкистско-зинovieвски-
ми бандитами.

Суд показал, что Троцкий, Зиновьев, Каменев с
их приспешниками и фашистская Гестапо — это одно
и то же. Их метод — кровавый террор. Их цель —
потопить в крови первое в мире социалистическое
государство рабочих и крестьян. Подлые убийцы
знали, что наш советский народ силен и непобедим
своим ленинско-сталинским ЦК, непобедим своим
великим Сталиным. В этот миг и сердце народа на-
правил свой удар фашистское злодеяние.

Проклятые, трижды презренные убийцы! Они
знали, что Вы, товарищ Сталин, для советского на-
рода это все, что Вы — наша величайшая радость
и гордость, что Сталин — солнце, осветившее и со-
гревшее нашу жизнь.

Покушались на Сталина, они хотели в крови на-
рода потопить нашу Великую революцию, уничто-
жить наши величайшие победы, завоеванные под
руководством Сталина в жестоких боях с классовым
врагом.

Сталин! Это наше самое дорогое, самое любимое
имя. С одинаковой любовью произносится это имя
всеми нами, нашими детьми, нашими женами, на-
шими стариками-отцами. Сталинское сердце согре-
вает всех нас — от мала до велика. Жизнь Сталина —
это наша жизнь. Дело, за которое борется Сталин,
это наше кровное, родное дело, это дело всего тру-
дового человечества.

Вот почему нет границ нашему гневу и нена-

висти к этим бешеным псам контрреволюционной
троцкистско-зинovieвской банды.

Вечное проклятие главарю бандитской шайки —
Иуде Тройскому! Вечное проклятие Зиновьеву, Ка-
меневу и всем их сообщникам! Наш советский народ
единодушно вынес приговор этим негодям. Расстре-
лять — вот приговор народа.

Мы требуем самого строгого расследования всех
материалов о причастности к делу троцкистско-зи-
новьевской банды бывших лидеров правой оппозиции —
Томского, Бухарина, Рыкова и их сообщников, а
также Радека, Пятакова. Мы, рабочие, полностью
одобряем распоряжение прокурора СССР тов. Вы-
шинского о привлечении к суду разоблаченных на
процессе сообщников троцкистско-зинovieвской своры
Сокольников и Серебрякова. Преступный клубок
должен быть распутан до конца. Всякий, кто хоть
в малейшей степени причастен к этому гнусному
замышлению злодеев, должен быть осужден пролетар-
ским судом как изменник, как злейший враг народа.

Наша родина должна быть раз и навсегда очи-
щена от фашистской грязи, политических авантю-
ристов и подлых убийц.

Враг должен быть истреблен до основания.
Сталин принадлежит нам — партийным и непартий-
ным большевикам, рабочим, колхозникам, специа-
листам, ученым, всему нашему 170-миллионному ге-
роическому народу и трудящимся всего мира.
Знамя Сталина — это знамя победившего социализма
в нашей могучей, прекрасной стране. Под знаменем
великого Сталина социализм победит во всем мире.

Стойкой безстрашной наш великий народ оку-
жил своего Сталина и ленинско-сталинский ЦК.
Пусть скажет Сталин, и все мы, от мала до велика,
отржем с лица земли любого врага, под какой бы
маской он ни скрылся.

Да здравствует наш родной учитель и вождь,
бесстрашный великий Сталин!

Письмо обсуждено и единогласно при-
нято 22 августа 1936 г. рабочими ве-
черних смен минского краснознаменного
комбината завода «Большевик».

Голос ученых

канскую Академию Наук, которая занимает одно
из видных мест в научной жизни всего Союза.

Всего лишь за 30 километров, но ту сторону
границы отделяет перед нами проклятое прошлое Бе-
лоруссии. Индий, голубой край, деградировавший
под игой оголодевшего фашизма.

И вот, сплывая на склоне подосудимых свора
бандитов ставила ставку на возврат нашей родины
к ее проклятому прошлому. Нет и не может быть
пощады нашим фашистским убийцам!

Мы просим Вас, любимый, дорогой товарищ
Сталин, берегите себя. Ваша жизнь — это наша
жизнь, жизнь всего народа. А мы, ученые погра-
ничной республики, со своей стороны, нескоро-
пной стеной еще теснее сожмемся вокруг Вас и
партии; слепыми свои рады так, чтоб через нас не
могла пролезть ни одна пчела, которую Троцкий и
фашистская охранка помышляли бы перебросить
через нашу границу. Мы максимально усилим свою
бдительность и неприступность к врагу.

Академик Я. Н. АФАНАСЬЕВ — директор
Института агропочвоведения.
Профессор А. М. ЖИРИНСКИЙ — ди-
ректор Института геологии и гидрологии.
Профессор Н. А. ДОРОЖНИК — директор
Института биологии.

Профессор М. П. ТОМИН — и. о. дирек-
тора Центрального ботанического сада.
Профессор Е. И. ПРОСКОРЯКОВ.

„Пусть знают фашисты — на границе найдут они гибель свою“

Трудно передать словами ту бурю
рождного гнева народа и ожесточен-
ности трудящихся нашей великой
родины, которую вызвала к себе
ожесточенная троцкистско-зинovieв-
ская шайка бандитов. Не находя аб-
солютно никакой опоры в народных
массах, эти трижды презренные не-
годии, попиная на крайнее средство
борьбы с партией, на путь лживую-
ального террора.

Весь путь этих подлых двуруш-
ников — это длинная цепь чудовищных
предательств и измен рабочему клас-
су и его партии. Читая материалы
суда, невольно сопереживаешь — на ка-
кие только злодеяния не способны
эти подлые человечества! Дела зна-
менитого провознатора Азефа бледнеют
перед подлостью и извостью убийц из
троцкистско-зинovieвского террорис-
тического центра.

Враги трудового народа коммунист-
ска с фашистскими охранками и стали
их яркими агентами в борьбе против
партии и советского государства. Ма-
терой провокатор и бандит Троцкий
совместно с фашистской контрразвед-
кой систематически перебрасывал на
нашу территорию убийц и шпионов.

Готовя террористические акты про-
тив наших вождей, злодеев и двуруш-
ники думали эти агенты замаски-
роваться в наши ряды и тем расчи-
стать дорогу для германского фашиз-
ма в случае нападения на страну Со-
ветов. Но враги просчитались! Пусть
знают все изменники и предатели,

оппортунисты — Троцкий и Зиновьева и
закладчики друзей их — оппортуни-
сты всех мастей — никогда не осу-
ществятся их злодейские замыслы.
Великий, многомиллионный советский
народ в едином порыве слепчен во-
круг большевистской партии, вокруг
своего любимого вождя товарища
Сталина. Народ бесстрашно раздает
всех позорных гадов, всех провокато-
ров!

Пусть знают германские фашисты
и крепко зарубят себе на носу, что
никогда, никогда их подлая нога не
вступит на свяшенную землю нашей
родины. И если оголодевшие поджигате-
ли войны осмелятся на нас на-
пасть, они на границе же нашей зем-
ли найдут свою гибель.

Наши воздушные корабли всегда
наготове. Высокая боевая вышка на-
ших летчиков-стакановцев. Вся ко-
ммунистская организация нашей части
переходит сейчас на стахановский ме-
тод работы в деле дальнейшего повы-
шения своей боевой готовности.

И если нужно будет, по перво-
му зову партии и правительства,
Белая авиация, как и вся наша
доблестная, могучая Красная армия,
окажет любую помощь всего советско-
го народа, с честью выполнит свой
долг. Враг будет разгромлен и побит
на его же территории.

Летчик ЕЛЕНИН, Иван Дми-
триевич, — командир стаханов-
ского подразделения.

Мы требуем самого серьезного и тщательного расследования причастности Томского, Бухарина

Рыкова, Угланова, Радека и Пятакова

к троцкистско-зинovieвской банде

Нет пощады врагам народа Сокольникову
и Серебрякову!

Как только стало известно о заяв-
лении тов. Вышинского о привле-
чении к суду контрреволюционеров Се-
ребрякова и Сокольников и прова-
ждение расследования о причастно-
сти к контрреволюционному бозу
Томского, Бухарина, Угланова, Ры-
кова и Пятакова, — на минской фаб-
рике им. Кагановича состоялся мит-
инг рабочих вечерней смены первого
полюшкового дека.

«О опубликованных в газетах ма-
териалах судебного следствия мы ви-
дим, как хитро маскировали презрен-
ные фашисты свою деятельность, как
чуждою подло и вероломно они
боролся против партии и советского
народа, — сказал фрезеровщик тов.
Гатилин. — Мы знаем, как распускали
эти нуды-предатели свои «покая-
ные» речи и выступления. Поэтому
нельзя быть уверенным в том, что
были троцкисты и лидеры правой
оппозиции окончательно разоружи-
лись. Всецело поддерживаем заявле-
ние тов. Вышинского о привлечении
к суду Сокольников и Серебрякова
и о начале расследования деятель-
ности остальных. Мы требуем самого
сурового наказания преступников и
тщательного расследования причаст-
ности остальных».

Тов. Гельфанд сказал:
«Презренные враги народа, они
стремились к власти. Но пролетариат
не пошел за ними, не поддержал их
и никогда не поддержит. Мы должны
еще больше усилить свою бдитель-
ность. Ведь и у нас в Минске, в ча-
стности, и на нашей фабрике вы-
явлены были приспешники этих гну-
сных выродков».

В принятой резолюции рабочие
единодушно одобряют заявление тов.
Вышинского и требуют самого суро-
вого наказания врагов советского на-
рода Сокольников и Серебрякова и
строжайшего расследования причаст-
ности к этому гнусному делу осталь-
ных лиц. Рабочие заявляют о своей
готовности работать еще лучше, о
своей беспредельной преданности ко-
мунистической партии и любимому
товарищу Сталину.

Товарищу СТАЛИНУ

(Письмо курсантов, командиров, преподавателей
и политработников ОБВШ имени Калинина М. И.,
принятое на собрании)

Наш любимый отец, друг, учи-
тель и вождь Иосиф Виссарионович!
Трудно передать ту ненависть к вра-
гам народа, которая охватила нас,
курсантов, командиров, преподавате-
лей и политработников ОБВШ, когда
мы узнали о тех изверженных методах
борьбы, которыми пользовались
троцкистско-зинovieвские гады.

Трудно передать ненависть к бан-
дитам, потерявшим всякий челове-
ческий облик, напавшим своим
ударом в самый мозг, в самое сердце
партии и трудящихся Советского
Союза и всего мира.

Эти подлые, эта мразь челове-
ческого общества, знали, как велика
любовь к Вам со стороны трудящих-
ся Советского Союза, знали неизме-
римную любовь миллионов масс, го-
товых в любую минуту отдать свою
жизнь за дело Ленина — Сталина, де-
ло партии, созданной Лениным и Ва-
ми, знали, что Ваша жизнь дороже
всего трудящихся всего мира.

Эти нуды-предатели, подлые про-
дажные агенты фашизма, на чьих
руках еще не высохла кровь нашего
незабвенного С. М. Кирова, метили
вырвать из наших рядов того, чья
жизнь целиком принадлежала тру-
дящимся всего мира.

Но враги и на этот раз просчита-
лись, забыв о том, что на страже
нашей любимой родины стоят сла-
вые работники НКВД, неустанно ох-
ражившие революцию и жизнь на-
ших любимых вождей от вражеских
покушений.

Забывая о том, что на страже со-
циализма стоит вся Красная Армия,
все трудящееся население нашей ро-
дины.

Для нас Вы являетесь отцом, на-
деждой и радостью. Имена Ленина —
Сталина есть знамя борьбы за дело
революции, за дело коммунизма.

Шлем Вам свой горячий красно-
армейский привет и пожелание мно-
гих и многих лет Вашей прекрасной
жизни.

Смерть фашистским прихвостням!

ВИТЕБСК, 22 (БЕЛТА). С исклю-
чительно вниманием следят тру-
дящиеся Витебщины за ходом процесса
делу троцкистско-зинovieвского
террористического центра. Газеты
раскупаются нарасхват. На фаб-
риках, заводах и в колхозах проводятся
митинги, собрания.

В ответ на подлые действия
троцкистско-зинovieвской своры, мы
еще выше подымаем классовую бди-
тельность, — говорит бригадир ко-
стюмного дека фабрики «Знамя ин-
дустриализации» Шелпаков.

Инициатор стахановского движения
на фабрике Илья Сарбай призывает
всех рабочих и работниц еще тес-
нее сплотиться вокруг партии и лю-
бимого вождя Сталина. На радость
нашей страны и на зло врагам пока-
жем новые образцы стахановской ра-
боты, — говорит она. Работницы Сар-
бай, Катман и др. обязались в годо-
вание стахановского движения стать
двухсотниками.

Заслушав информацию об обвини-
тельном заключении собраны все
колхозники сельхозартеля им. Киро-
ва. «Троцкому, Зиновьеву и другим
расстрелять».

гадюкам, — говорит колхозник Ра-
ченко Иван, — не нравится, что ко-
лозное крестьянство живет зажатом
ро, радостно и счастливо. Эти бан-
даты досаждали на жизнь наших во-
ждей, на жизнь родного Сталина, ко-
торый дал нам счастье».

«Фашистским прихвостням Зи-
новьеву, Каменеву и всей их своре
может быть только один приговор —
расстрелять» — один голос заявляют
колхозники.

МОСЫРЬ, 22 (БЕЛТА). Трудно на-
йти слова, чтобы выразить непа-
висть и презрение рабочих и колхоз-
ников М-ыринщины к подлым выро-
дам — троцкистам и зинovieвцам.

Рабочие фабрики «Пролетарият» на
своем митинге заявили: Они откажи-
лись поднять свои грязные руки на
любимых вождей и за это должны
быть наказаны смертью».

Радостную колхозную жизнь, —
говорит колхозница Мицюра Люся из
колхоза им. Ворошилова, — дал нам
Сталин, который дорог нам, как до-
рога нам жизнь. Троцкистско-зинovieв-
ским бандитам, которые готови-
лись убить Сталина, наш приговор —
расстрелять».

ПРОЦЕСС ТРОЦКИСТСКО-ЗИНОВЬЕВСКОГО ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ЦЕНТРА

Утреннее заседание 21 августа ДОПРОС ПОДСУДИМОГО ГОЛЬЦМАНА

Утреннее заседание 21 августа начинается с допроса подсудимого Гольцмана.

Гольцман — один из активнейших участников троцкистской контрреволюционной организации, лично связанный с руководителем троцкистского центра в СССР — Смирновым И. Н.

По поручению Смирнова он поддерживал связь с различными троцкистскими центрами.

В 1932 году он получил лично от Л. Троцкого директиву о подготовке террористических актов против руководителей ВКП(б) и советского правительства.

Гольцман показывает, что со Смирновым он знаком с 1918 года. В 1926 г. Гольцман примкнул к троцкистской организации. Позднее впоследствии формально он троцкистами, в частности по Смирнову. После продолжительного увязывания от признания своей нежелательной троцкистской деятельности Гольцман, отвечая на вопрос поставленного ему тов. Вышинским, показывает, что в 1931 г. он «случайно» встретился со Смирновым на улице. Смирнов предложил ему встретиться на квартире у своей матери. В 1932 году Гольцман пришел на свидание в сообщая Смирнову, что его хотят выслать из страны за границу, но «он отказывается и идет неохотно». Смирнов посоветовал ему поехать. Гольцман согласился командировку принять и поехать за границу. Смирнов предложил ему пойти перед отъездом еще раз.

Перекрестным допросом Гольцмана и Смирнова устанавливается, что Смирнов держал Гольцмана на особом конспиративном положении, используя его для особо конспиративных поручений.

Между Гольцманом и тов. Вышинским происходит следующий диалог: **Вышинский:** Я спрашиваю, были ли вы законспирированным членом троцкистской организации, действовавшей под руководством Смирнова? **Гольцман:** Я был, да, перед пролетарским судом, в этом вышестоящем ли нет?

Вышинский: Да. **Гольцман:** Да. Далее государственным обвинителем устанавливается, что встречи на квартире матери Смирнова не были случайными и что квартира эта служила постоянной явкой для встреч Гольцмана со Смирновым. Устанавливается обстоятельство встречи Гольцмана со Смирновым на квартире его матери, тов. Вышинский задает Гольцману ряд вопросов.

Вышинский: Значит, вы знали, что в известное время вы Смирнова застанете на квартире его матери? **Гольцман:** Да.

Вышинский: Это была троцкистская явка Смирнова? **Гольцман:** Как теперь выясняется, да.

Подсудимому Гольцману не удается также, несмотря на его многочисленные попытки, ответить на тот факт, что он оставался, по заданию троцкистского центра, законспирированным троцкистом внутри партии.

Вышинский: Вы формально были в партии? **Гольцман:** Да.

Вышинский: Одновременно вы были троцкистом? **Гольцман:** Троцкистом.

Вышинский: И... **Гольцман:** Контрреволюционером.

Вышинский: И дзевушником? **Гольцман:** Да.

Перед отъездом за границу Гольцман пришел на явку и встретился там Смирнова. Смирнов сказал Гольцману, что во время своего пребывания в Берлине он должен встретиться с сыном Троцкого — Седовым. Смирнов сообщил Гольцману, что он даст ему доклад, который надо передать Седову для Троцкого. Доклад, как подтверждает и Гольцман и Смирнов, надо было доставить лично Седову для передачи Троцкому. Смирнов дал Гольцману номер телефона, по которому он должен был вызвать Седова. Тут же Смирнов сообщил ему пароль, который гласил: «Я привез привет от Гали». Последующими показаниями устанавливается, что Смирнов также сообщил Гольцману шифр для переписки с Троцким, для которого использовались определенные страницы книги «Тысяча и одна ночь».

По приезде в Берлин, показывает Гольцман, он общался с Седовым по телефону и устанавливал о встрече, которая состоялась около Зоологического сада. Так как Гольцман и Седов друг друга не знали, они условились, что оба будут держать в ру-

ках по одному экземпляру газет «Берлинер тагеблатт» и «Фюрертер». Встретившись с Гольцманом, Седов предложил ему сесть в машину.

«Мы поехали», — продолжает свое показание Гольцман. — Я уезжал по паролю. Седов заезжал ко мне на квартиру, где никого не было. Это было на четвертом этаже, и там я передал ему этот доклад, передал шифр... Таким образом и с ним установились отношения. В ноябре я опять позвонил Седову, и мы снова встретились. Седов сказал мне: «Как вы собираетесь ехать в СССР? Это было бы хорошо, чтобы вы со мной поехали в Копенгаген, где находится мой отец».

Вышинский: То есть? **Гольцман:** То есть Троцкий.

Вышинский: Вы поехали? **Гольцман:** Я согласился. Но затем я ему, что ехать вместе нам нельзя по конспиративным соображениям. Я уговорил Седова, что через два-три дня я приеду в Копенгаген, остановлюсь в гостинице «Бристоль», и мы там встретимся. При этом я указал, что в гостиницу и в фойе встретиться с Седовым.

Около десяти часов утра мы приехали к Троцкому. Когда мы пришли к Троцкому, он прежде всего интересовался настроением и отношением партийных масс к Сталину. Я ему сказал, что собраться сегодня уехать из Копенгагена и через несколько дней уезду в СССР. Тогда Троцкий в довольно возбужденном состоянии, рассказывая по телефону, сказал мне, что он готовит письмо для Смирнова, но, в виду того, что я уезжаю в этот же день, он этого не делает. Должен сказать, что по моему разговору с Троцким я был с ним один-один. Очень часто приходил и выходил на комнаты сын Троцкого Седов.

Гольцман показывает, что в дальнейшем беседе с ним Троцкий высказался за то, что «лучше убить Сталина». По этому поводу происходит следующий диалог между государственным обвинителем и подсудимым:

Вышинский: Что значит «убить Сталина»? **Гольцман:** Я сказал об этом. Дальше Троцкий говорил, что если Сталин будет убит, то тем самым возможно, что троцкисты примут в власти и руководству ВКП(б). Он сказал при этом, что единственный способ убить Сталина — это террор.

Вышинский: Троцкий прямо так и сказал? **Гольцман:** Да. Для этого, как он сказал, нужно подобрать кадры ответственных и способных на это дело людей. И дальше он сказал, что это нужно передать Смирнову, не говоря об этом никому другому.

Вышинский: Только Смирнову? **Гольцман:** Да. В этот момент вошел Седов и начал говорить, чтобы мы окончили разговор. На этом наш разговор был окончен и я вышел.

Вышинский: Значит, Троцкий вам прямо сказал, что основной задачей сейчас (это значит, осенью 1932 г.) является убийство товарища Сталина? Вы это твердо помните? **Гольцман:** Да.

Вышинский: Значит, в этом заключалась директива Троцкого? **Гольцман:** Да, Троцкий не мог не изложить в письменном виде, а поэтому и принял в устной форме и передал ее точный смысл по приезде в Москву.

Вышинский: Это была устная директива Троцкого? **Гольцман:** Да.

В дальнейшем ходе допроса Гольцман пытается увильнуть от ответственности, заявляя, что он не разделял точки зрения Троцкого на террор. Обвиняемый тут же изобличается в том, что, вернувшись в СССР, он продолжал оставаться в подпольной троцкистской организации, продолжал встречаться с троцкистами.

В заключение допроса тов. Вышинский окончательно изобличает Гольцмана.

Вышинский: Мы знаем, что Смирнов через некоторое время директиву о терроре получил и без вас. Я вас обвиняю в том, что вы получили эту директиву. Вы знали, что у троцкистов уже имеется установка на террор, и при этих условиях вы продолжали оставаться троцкистом? **Гольцман:** Да.

Вышинский: Продолжал связь с троцкистами? **Гольцман:** Да.

Вышинский: Следовательно, вы продолжали быть членом троцкистской организации? **Гольцман:** Да.

Вышинский: Соединительно, вы продолжали быть членом троцкистской организации? **Гольцман:** Да.

Вышинский: Соединительно, вы продолжали быть членом троцкистской организации? **Гольцман:** Да.

Вышинский: Соединительно, вы продолжали быть членом троцкистской организации? **Гольцман:** Да.

Вышинский: Соединительно, вы продолжали быть членом троцкистской организации? **Гольцман:** Да.

Вышинский: Соединительно, вы продолжали быть членом троцкистской организации? **Гольцман:** Да.

Вышинский: Соединительно, вы продолжали быть членом троцкистской организации? **Гольцман:** Да.

Вышинский: Соединительно, вы продолжали быть членом троцкистской организации? **Гольцман:** Да.

Вышинский: Соединительно, вы продолжали быть членом троцкистской организации? **Гольцман:** Да.

Вышинский: Соединительно, вы продолжали быть членом троцкистской организации? **Гольцман:** Да.

Вышинский: Соединительно, вы продолжали быть членом троцкистской организации? **Гольцман:** Да.

Вышинский: Соединительно, вы продолжали быть членом троцкистской организации? **Гольцман:** Да.

Вышинский: Соединительно, вы продолжали быть членом троцкистской организации? **Гольцман:** Да.

Вышинский: Соединительно, вы продолжали быть членом троцкистской организации? **Гольцман:** Да.

Вышинский: Соединительно, вы продолжали быть членом троцкистской организации? **Гольцман:** Да.

Вышинский: Соединительно, вы продолжали быть членом троцкистской организации? **Гольцман:** Да.

Вышинский: Соединительно, вы продолжали быть членом троцкистской организации? **Гольцман:** Да.

Вышинский: Соединительно, вы продолжали быть членом троцкистской организации? **Гольцман:** Да.

Вышинский: Соединительно, вы продолжали быть членом троцкистской организации? **Гольцман:** Да.

Вышинский: Соединительно, вы продолжали быть членом троцкистской организации? **Гольцман:** Да.

Вышинский: Соединительно, вы продолжали быть членом троцкистской организации? **Гольцман:** Да.

Вышинский: Соединительно, вы продолжали быть членом троцкистской организации? **Гольцман:** Да.

Вышинский: Соединительно, вы продолжали быть членом троцкистской организации? **Гольцман:** Да.

Вышинский: Соединительно, вы продолжали быть членом троцкистской организации? **Гольцман:** Да.

Вышинский: Соединительно, вы продолжали быть членом троцкистской организации? **Гольцман:** Да.

Вышинский: Соединительно, вы продолжали быть членом троцкистской организации? **Гольцман:** Да.

Вышинский: Соединительно, вы продолжали быть членом троцкистской организации? **Гольцман:** Да.

Вышинский: Соединительно, вы продолжали быть членом троцкистской организации? **Гольцман:** Да.

Вышинский: Соединительно, вы продолжали быть членом троцкистской организации? **Гольцман:** Да.

Вышинский: Соединительно, вы продолжали быть членом троцкистской организации? **Гольцман:** Да.

Вышинский: Соединительно, вы продолжали быть членом троцкистской организации? **Гольцман:** Да.

Вышинский: Соединительно, вы продолжали быть членом троцкистской организации? **Гольцман:** Да.

Вышинский: Соединительно, вы продолжали быть членом троцкистской организации? **Гольцман:** Да.

Вышинский: Соединительно, вы продолжали быть членом троцкистской организации? **Гольцман:** Да.

ежал в апреле 1932 года в СССР с заданием связаться там с троцкистами, которых я знал по Германии. И вместе с ними проводить террористическую работу.

Н. Лурье начал с установления в Москве связей с троцкистами, прежде всего, с теми, которых он знал по Германии: Константином и Липшицем.

Н. Лурье: Константину я рассказал об установке на террор, которую я получил от троцкистской организации через Моисея Лурье. Константин мне сказал, что для него это не новость. Она тоже имеет установку на террор и даже практические приготовления к его осуществлению. Он мне рассказал, что у них есть троцкистская группа, в которую входят Константин и Липшиц, а также один немецкий инженер, архитектор Франц Вайц.

Вышинский: Кто такой Франц Вайц? **Н. Лурье:** Франц Вайц был членом национал-социалистической партии Германии, прибыл в СССР по поручению Гитлера, который в то время был начальником охранного отдела, впоследствии Гитлер стал начальником Гестапо.

Вышинский: Франц Вайц был его представителем? **Н. Лурье:** Франц Вайц приехал в СССР по поручению Гитлера для проведения террористических актов.

Вышинский: Откуда вы это узнали? **Н. Лурье:** Сперва мне рассказывал об этом Константин, а потом сам Франц Вайц.

То обстоятельство, что во главе террористической группы стал приехавший немецкий политический агент, высказываясь не сомкнул. Н. Лурье и его троцкистскую организацию.

Я пришел к заключению, — говорит Н. Лурье, — что если троцкисты перешли к методам вооруженной борьбы, то это имеет свою логику, то есть, если фашист предлагает свои услуги для террора, то этим услугам надо воспользоваться. Я продолжал связь с Францем Вайцем и работал под его практическим руководством.

В августе 1932 года Франц Вайц сообщил Н. Лурье, что имеется возможность совершить покушение на народного комиссара обороны СССР тов. Ворошилова. Террористическая группа получила задание фашистского охранника приступить к действию. В течение долгого времени группа Н. Лурье готовила покушение на тов. Ворошилова.

Председатель суда: Когда вы готовили покушение на тов. Ворошилова — вы длительное время занимались наблюдением за местом тов. Ворошилова, за его машиной? Сколько времени вы носылись подготавливая покушение на тов. Ворошилова? **Н. Лурье:** Мы этим занимались с сентября 1932 г. до весны 1933 г.

Председатель суда: Судя по вашим показаниям, вы неоднократно выходили на улицу Фрунзе и на другие прилегающие улицы, будучи вооружены револьверами? **Н. Лурье:** Да.

Председатель суда: Вся ваша группа была вооружена? **Н. Лурье:** Да.

Председатель суда: Так что вы совершили бы террористический акт, если бы благоприятный момент представился? Почему же это вам не удалось? **Н. Лурье:** Мы видели машину Ворошилова, когда она проезжала по улице Фрунзе. Проезжала она слишком быстро. Стрелять по быстро идущей машине безнадёжно; мы считали, что это не имеет смысла.

Председатель суда: Вам удавалось видеть машину тов. Ворошилова? **Н. Лурье:** Я ее видел и второй раз группы — Павел Липшиц.

Председатель суда: Вы прекратили дальнейшие наблюдения за машиной тов. Ворошилова? **Н. Лурье:** Да.

Председатель суда: По каким соображениям? **Н. Лурье:** Потому, что мы убедились, что стрелять из револьвера не имеет смысла.

Председатель суда: На что вы перекладывали ваше внимание после этого? **Н. Лурье:** На приобретение необходимых веществ.

Председатель суда: Какого характера террористический акт вы имели в виду совершить? **Н. Лурье:** Террористический акт — бомбой.

Председатель суда: Вы сказали, что перекладывали свое внимание на приобретение необходимых веществ для совершения террористического акта. Над кем?

Н. Лурье: Над Ворошиловым. **Председатель суда:** На улице или в помещении? **Н. Лурье:** На улице.

В июле 1933 года Н. Лурье был командирован в Челябинск на работу в качестве врача-хирурга (по специальности).

В Челябинске Н. Лурье не прекращает своей террористической деятельности и не оставляет своих террористических замыслов. Н. Лурье показывает, что, зная о приезде в Челябинск т. Кагановича и Орджоникидзе, он пытался встретиться на заводе и совершить террористический акт. Эти намерения осуществиться не удалось.

В январе 1936 года Н. Лурье уезжает из Челябинска, получив научную командировку в Ленинград. Будучи проездом в Москве, он встречает там Моисея Лурье, который дал ему задание — совершить покушение на тов. Идманова.

Председатель суда: Какие указания вам давал Моисей Лурье о терроре в 1934—35—36 гг.? **Н. Лурье:** Я ему рассказывал, что думаю совершить покушение на Орджоникидзе и Кагановича, но затем в январе месяце 1936 г. он поручил мне стрелять в Идманова на первомайской демонстрации в Ленинграде.

Председатель суда: Вы считали Моисея Лурье вашим руководителем, раз принимали такие указания? **Н. Лурье:** Да.

Председатель суда: Когда вы уезжали в Ленинград, вы принимали на себя проведение в жизнь указания Моисея Лурье? **Н. Лурье:** Я знал, что я буду участвовать в первомайской демонстрации и, если будет возможность, я постараюсь это указание выполнить.

На вопрос председателя М. Лурье заявляет, что полностью подтверждает свои показания, данные им на предварительном следствии.

Вышинский: Скажите, пожалуйста, объясняя Лурье, какие вы сделали конкретные шаги в террористической вашей деятельности? **М. Лурье:** Я получил задание директивного порядка, уезжая на Берлина в Москву 4 марта 1933 года. Получил это задание от Рут Фишер и Маслова, но фактически это было задание самого Троцкого. С Рут Фишер я был связан с 1924 г., а по оппозиционной работе в зинovieвской фракции — с октября 1925 года; а с Масловым — с 1927 г. после моего возвращения из Москвы в Берлин. Характер задания следующий: Троцкий считал и настаивал, а мы, т.е. Маслов и Рут Фишер, солидарны с этой директивой Троцкого, заключающейся в следующем: необходимо усилить организацию террористических актов над руководителями ВКП(б) и советского правительства, и в первую очередь над Сталиным. Эту директиву я принял лично в устной форме от Рут Фишер и Маслова, как я уже сказал, 4 марта 1933 года.

Вышинский: Я жду ваших объяснений по поводу практических шагов в этом направлении.

М. Лурье: Прибыв в Москву 9 марта 1933 года, я передал эту устную директиву по назначению, а именно: бывшему личному явнику Зинovieва в Берлине — Гербергу А. В. С Гербергом я был связан по зинovieвской работе с декабря 1927 года до его отъезда в Москву, в конце 1931 года. Передал я эту директиву по поручению второй половины апреля. Гербергу задание принял и сказал, что эта директива Троцкого, Рут Фишер и Маслова полностью совпадает с уже имеющимся тождественным решением нашего центра в стране.

Отвечая на вопрос прокурора о практических шагах, предпринятых подсудимым в отношении организации террористических актов, М. Лурье сообщает о трех его встречах с Зинovieвым. В одной из этих встреч, имевшей место на квартире Зинovieва в начале августа 1934 г., Лурье подробно информировал Зинovieва о директивах Троцкого, полученных через Рут Фишер и Маслова, о подготовке террористических актов, в частности, о деятельности группы его — однофамильца — Натана Лурье.

Вышинский: Скажите, пожалуйста, вы были связаны с Натаном Лурье? **М. Лурье:** Да, я был связан с Натаном Лурье, примерно, с апреля месяца 1933 г. до 2 января 1936 г.

Вышинский: Вы знали Натана Лурье, как члена подпольной троцкистской организации? **М. Лурье:** Безусловно.

Вышинский: Вы знали, что в этот период Натан Лурье занимался подготовкой ряда террористических актов? **М. Лурье:** Совершенно верно.

Далее М. Лурье рассказывает, как он организовывал покушение на тов. Орджоникидзе. Этот террористический акт должен был быть осуществлен во время приезда тов. Орджоникидзе в Челябинский тракторный завод. Для этой цели М. Лурье предложил уезжающему на Челябинский трактор-

Председатель суда: Вы участвовали в демонстрации? **Н. Лурье:** Да.

Председатель суда: Были вооружены? **Н. Лурье:** Да, револьвером.

Председатель суда: Откуда вы достали оружие в этот год? **Н. Лурье:** Оно оставалось на хранении у Константа.

Председатель суда: Когда вы видели это оружие? **Н. Лурье:** В марте 1936 г.

Председатель суда: Какой системы револьвер? **Н. Лурье:** Браунинг.

Председатель суда: Какой? Средний? **Н. Лурье:** Да.

Председатель суда: Вам удалось прийти в колонны демонстрантов на площадь Урицкого? **Н. Лурье:** Да.

Председатель суда: Почему вам не удалось произвести покушение на Идманова? **Н. Лурье:** Мы далеко проходили.

Смонов о том, что Смонов являлся членом Тер-Ваганяна о поезде Смонова за границу и о свидании последнего с Л. Седовым.

«Должен сказать», — показывает Тер-Ваганян, — что никакого разговора о том, что эта директива о терроре есть личное мнение Седова, не было. Если бы Смонов сказал мне, что это есть личное мнение Седова, то мы бы вместе с ней поехали на улицу, как над анекдотом. Когда вернулся Смонов, он повторил мне в Смоновом свой рассказ».

Отвечая на вопрос тов. Вышинского о том, из каких соображений Смонов это отрицает, Тер-Ваганян объясняет, что Смонов боялся сказать перед судом всю правду, поэтому что вслед за этим ему пришлось бы назвать ряд лиц, который имел касательство к террору. В частности, говорит Тер-Ваганян, Смонов не хотел сказать, что, начиная с 1928 года, он систематически поддерживал связь с грузинскими уклонистами. В 1932 году, после приезда из-за границы, Смонов имел свидание с грузинскими уклонистами, которые, как известно, были настроены террористически с 1928 года.

Вышинский: Смонов, вы подтверждаете, что были связаны с грузинскими уклонистами? **Смонов:** В 1929 году я встречался с Окуджавой.

Вышинский: (обращаясь к Тер-Ваганяну): Группа Штыкгольда к какому времени относится времени? Из дальнейшего допроса подсудимого Тер-Ваганяна выясняется связь И. Н. Смонова с террористической группой Штыкгольда.

— Штыкгольда, — говорит Тер-Ваганян, — познакомил со мной в 1929 году И. Н. Смонов, который попросил, чтобы я Штыкгольда пригласил, когда он будет приезжать. Он не хотел, чтобы Штыкгольд ехал кем-нибудь видя. Такая конспирация имела только один смысл: Штыкгольд имел какие-то особые связи, которые нужно было беречь.

На заданный тов. Вышинским вопрос И. Н. Смонов отрицает, что он знаком Штыкгольда с Тер-Ваганяном и что был с ним на квартире у последнего. Однако, указывая Тер-Ваганяном, он вынужден признать, что такая встреча могла иметь место.

Вышинский: (обращаясь к Смонову): Вы допускаете, что вы могли встретиться с Тер-Ваганяном со Штыкгольдом? **Смонов:** В 1929 г. допускаю.

Вышинский: Значит, в 1929 г. вы, Тер-Ваганян и Штыкгольд встречались? **Смонов:** Возможно.

Тер-Ваганян: (обращаясь к Смонову): Это было зимой 1929—30 г.? **Смонов:** Да.

В заключение допроса М. Лурье происходит следующий диалог: **Вышинский:** Следовательно, вы признаете, что были в течение длительного ряда лет членом подпольной троцкистской организации? **М. Лурье:** Да, полностью признаю.

Вышинский: Эта организация преследовала террористические цели? **М. Лурье:** Признано, я привез такую директиву.

Вышинский: Вы подтверждаете, что получили директиву о терроре от Троцкого через Рут Фишер и Маслова и передали ее Зинovieву? **М. Лурье:** Да.

Вышинский: Вам известно, что директива была передана? **М. Лурье:** Совершенно точно.

Вышинский: Вы были связаны с группой Натана Лурье и одновременно с фашистским агентом Францем Вайцем? **М. Лурье:** Да.

Вышинский: Вместе с Натаном Лурье вы готовили ряд покушений и дали установку на подготовку покушения против тов. Сталина? **М. Лурье:** Я не принимал участия в подготовке, не передавал директиву о покушении.

Вышинский: Вы дали задание подготовить покушение на Орджоникидзе и Идманова, при чем дали не только задание, но указали и связи? **М. Лурье:** Да, я сказал Натану Лурье, что он еще получит явку.

В заключение допроса М. Лурье сообщает, что в этот период он участвовал в первомайской демонстрации в Ленинграде.

В заключение допроса М. Лурье сообщает, что в этот период он участвовал в первомайской демонстрации в Ленинграде.

В заключение допроса М. Лурье сообщает, что в этот период он участвовал в первомайской демонстрации в Ленинграде.

ПРОЦЕСС ТРОЦКИСТСКО-ЗИНОВЬЕВСКОГО ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ЦЕНТРА

Продолжение речи государственного обвинителя Прокурора СССР т. А. Я. ВЫШИНСКОГО

Эта двурушничество, они превратили в систему, которой могли бы пользоваться любые азефы и макиноны всех охранок, со всеми их шпионами, провокаторами и диверсантами. Рейнгольд показал, что в 1933-34 г. Зиновьев с глаза на глаза говорил ему, теперь Зиновьев подтвердил это перед всем миром на процессе, что главная практическая задача, которая стоит перед их полемом, заключается в том, чтобы выстроить террористическую работу так конспиративно, чтобы никому не было видно, чтобы никто не мог ее компрометировать себя.

Может быть, это преувеличение? Конечно, нет. То, что говорил Рейнгольд, соответствует логике вещей.

«На следствии главное, — получая своих соучастников Зиновьев, — отдала какую бы то ни было связь с организацией, аргументируя несоответствием террора со взглядами ленинских — марксистов». (Дело, ХУП, л. д. 112).

Троцкий в свое время тоже рекомендовал, в случае совершения террористического акта, отмежевываться от троцкистской организации и занять позицию, асимметричную той, которая была занята в свое время эсеровским ЦК по отношению к гоминьдангу, стремившейся в Ленинград. Мы знаем, что это значит, мы помним, что после того, как Калашников выпустил свою предательскую статью в Ленинград, ЦК эсеров выпустил статью, в которой категорически заявила о своей непричастности к этому террористическому акту. Офицер, Зиновьев, Каменев усвоили эту тактику.

Зиновьев говорил: «Мы перешли к пути тщательного продуманного и убийственно конспиративного разговора с кем-либо, считая себя марксистами по форме, но восставая на истинное существо» — передвинул ее по-другому, заявляя, что «заговор против партии, против Сталина есть искусство».

От сидят на скамье подсудимых, стера этого «искусства». Но скажи, чтобы мастера были высокой школы. Никто не может сказать, что все же сумели осуществить свое дело. В чем же состояло их искусство? В том плане на первом месте стояла маскировка всеми средствами их истинного преступного лица.

Это может быть один из самых ярких примеров в истории, когда действительно слово маскировка приобретает подлинное значение. Эти люди надели на свои лица маски, изображали себя раскаявшимися, пережившими, порывавшимися к исправлению, отказывавшим от своих прошлых заблуждений и ошибок, перешедшими к преступлению.

Характерно, что именно в тот период, когда обвинительный троцкистско-зиновьевский центр наиболее активно осуществлял свою деятельность, когда террористическая деятельность достигла наибольшего своего развития, партия, проводившая своему завершению подым вышом в тов. Кирова, — именно в этот период Зиновьев обращается к правительству Комитет партии с пометкой письмом. В этом письме, пропавшем 8-го мая 1933 года, в самый разгар подготовки террористических актов, Зиновьев не только отрекается от всех своих прежних ошибок, но и либерально признается в своей преступности и партии.

Вот эти самые дни, когда он готовил предательский удар в самое сердце партии, готовил террористический акт в тов. Сталина, этот преступитель, потерявший, как и все сидящие на скамье подсудимых, последний человеческий облик, написал свое письмо следующими словами: «Я прошу вас верить, что я верю — правду и только правду, прошу вас вернуть меня ряды партии и дать мне возможность работать для общего дела».

Вот эти самые дни, когда он готовил предательский удар в самое сердце партии, готовил террористический акт в тов. Сталина, этот преступитель, потерявший, как и все сидящие на скамье подсудимых, последний человеческий облик, написал свое письмо следующими словами: «Я прошу вас верить, что я верю — правду и только правду, прошу вас вернуть меня ряды партии и дать мне возможность работать для общего дела».

Вот эти самые дни, когда он готовил предательский удар в самое сердце партии, готовил террористический акт в тов. Сталина, этот преступитель, потерявший, как и все сидящие на скамье подсудимых, последний человеческий облик, написал свое письмо следующими словами: «Я прошу вас верить, что я верю — правду и только правду, прошу вас вернуть меня ряды партии и дать мне возможность работать для общего дела».

Вот эти самые дни, когда он готовил предательский удар в самое сердце партии, готовил террористический акт в тов. Сталина, этот преступитель, потерявший, как и все сидящие на скамье подсудимых, последний человеческий облик, написал свое письмо следующими словами: «Я прошу вас верить, что я верю — правду и только правду, прошу вас вернуть меня ряды партии и дать мне возможность работать для общего дела».

Вот эти самые дни, когда он готовил предательский удар в самое сердце партии, готовил террористический акт в тов. Сталина, этот преступитель, потерявший, как и все сидящие на скамье подсудимых, последний человеческий облик, написал свое письмо следующими словами: «Я прошу вас верить, что я верю — правду и только правду, прошу вас вернуть меня ряды партии и дать мне возможность работать для общего дела».

Вот эти самые дни, когда он готовил предательский удар в самое сердце партии, готовил террористический акт в тов. Сталина, этот преступитель, потерявший, как и все сидящие на скамье подсудимых, последний человеческий облик, написал свое письмо следующими словами: «Я прошу вас верить, что я верю — правду и только правду, прошу вас вернуть меня ряды партии и дать мне возможность работать для общего дела».

Вот эти самые дни, когда он готовил предательский удар в самое сердце партии, готовил террористический акт в тов. Сталина, этот преступитель, потерявший, как и все сидящие на скамье подсудимых, последний человеческий облик, написал свое письмо следующими словами: «Я прошу вас верить, что я верю — правду и только правду, прошу вас вернуть меня ряды партии и дать мне возможность работать для общего дела».

Вот эти самые дни, когда он готовил предательский удар в самое сердце партии, готовил террористический акт в тов. Сталина, этот преступитель, потерявший, как и все сидящие на скамье подсудимых, последний человеческий облик, написал свое письмо следующими словами: «Я прошу вас верить, что я верю — правду и только правду, прошу вас вернуть меня ряды партии и дать мне возможность работать для общего дела».

Зиновьев и Каменев на Ленинградском процессе 15-16 января разлагали очень нехорошо одну из самых коварных вероломных масок. В своих объяснениях (на судебном заседании от 15-16 января 1935 года) Каменев хотел произвести впечатление окончательно и окончательно разоружившего врага, выходящего все, что у него есть на душе против правительственной и партии, он тогда приложил какой-то ошкрод, когда Зиновьев, что-то утаивая и разговаривая с Троцким. С информацией «неподлинным» возмущением Каменев упрекал Зиновьева в том, что, скрывая этот факт, он не говорит всей правды.

А в то же время и сам Каменев и сам Зиновьев пытались обмануть нас, обмануть суд и всю страну, доказывая, что они никакого отношения не имеют к убийству Сергея Мироновича Кирова. Так же, как сейчас, буквально теми словами, что и вчера, Зиновьев и Каменев тогда клялись в том, что они говорят всю правду. Можно сказать, что процесс 15-16 января 1935 г. для Каменева и Зиновьева был своего рода репетицией вымышленного процесса, которого они, может быть, не ожидали, но от которого они, как от судьбы, не ушли.

И еще вернусь к этим «самозащитным» показаниям, данным на суде в Ленинграде, сейчас я говорю об этом только для того, чтобы предупредить нас, а через нас, через суд и всю страну, — не только против Каменева и Зиновьева, но и против всех других двурушников, изменников и предателей, в сожалении, имеющих еще и в наших рядах, говорящих о своих раскаяниях, отмежевываясь, маскируясь для того, чтобы лучше организовать удар в спину нашей партии, нашей страны, нашему великому делу. Не малейшее доверие этим предателям и проходимцам обманщикам!

Они и сами понимают, что не заслуживают его. Я спросил Зиновьева при его допросе: «А сейчас вы всю правду говорите? Сейчас я говорю всю правду до конца?»

Но где же доказательство этого, как мы можем верить, когда они превозносили все представления о вероломстве, коварстве, обмане, предательстве? Зиновьев велел это коварство до того, что после убийства Сергея Мироновича Кирова, посылал в «Правду» некролог. Единственное, что он сказал здесь по этому поводу: «Этот некролог не был написан наскоро, а помысли». И все.

Вот этот некролог, он у меня в руках. Он датирован Зиновьевым, если я не ошибаюсь то-ли 4, то-ли 7 декабря, вероятней всего 4-го декабря.

Этот некролог, посвященный тов. Кирову, вы, Зиновьев, назвали: «Человек-маяк». Как же вы назвали свой некролог, который вы предназначали для печати и который, следовательно, должен был стать достоянием всей нашей общественности?

«Это можно наблюдать в течение всех 17 лет нашей революции, — в каждый момент, когда враг изловчился нанести тот или другой удар, удалось нанести чувствительный удар на полях гражданской войны. Так было...» и т. д. и т. д.

И дальше Зиновьев писал: «Горе партии — есть горе всего народа, всех народов СССР. Траур партии, есть траур всей великой страны...». Весь народ ощутил горе утраты. И возмущение предательским выстрелом охватило всю страну. Это чувство действительно мнитывает вся страна от мала до велика.

Но вас то это в какой мере касается? Злодейское убийство Сергея Мироновича Кирова всколыхнуло политическую всю партию, весь Советский Союз. «Потери этого любимого и родного человека — всеми опущенась как потеря своего, близкого, безгранично дорогого».

Вот что писали вы, подсудимый Зиновьев, в этой страшной и позорной статье!

Почему потеряла партия близкого, бесконечно дорогого С. М. Кирова — обвиняемый Зиновьев?

Потому потеряла партия этого близкого нам человека, что вы, обвиняемый Зиновьев, убийца Кирова, вы убийца его своим собственными руками, на которых у вас краснеет мировская кровь!

«Любимый сын партии», — писали вы. Какого наглого кощунства!

«Сын рабочего класса — вот кем был этот человек-маяк», — «Нам дорогой, глубокий, пренкий...» Ему нельзя было не верить, его нельзя было не любить и им нельзя было не гордиться.

Вот как писал Зиновьев, переходя всякие границы приличия!

Вот этот человек его любил, гордился им и убил его! Злодей убийца опанкывает свою жертву! Где и когда это происходило что-либо подобное!

Что можно сказать, чтобы перестать было и мерзость этого факта: кощунство! Двурушничество! Кошмар! Вы, именно вы, Зиновьев, своим кощунственным рукой послал этот маяк, и вы же стали публично и приоткрыто рвать на себе волосы для того, чтобы обмануть людей.

Вот вы убийца! — Вы убили великого, большого, пламенного, трибуна, опасного для вас человека,

беззаветно борющегося за ленинские заветы и вместе с тем против вас. Вы убили этого человека секундным выстрелом подлейшей руки Николаева, а через два-три дня вы же посылаете статью в «Правду» и пишете о «покашении маяка». Где же найти слова, чтобы дать оценку этим подлейшим выходкам! — В своем лексиконе я не в состоянии найти этих слов!

Перейдем к Каменеву — второму столпу так называемой зиновьевской группы, к этому притворщику «в осужденной шкуре», о котором он сам говорил на XVII съезде партии.

Я прошу суд обратить внимание на статью Каменева, опубликованную в 1933 г. Эта статья Каменев писал почти одновременно с Зиновьевым по взаимному согласию. Каменев публикует в «Правде» статью, где он так же, как Зиновьев, отказывается от своих заблуждений, клянется своей ошибкой, где он говорит, что «нашей фигурой оппозиции стал человек, десятки лет борющийся со «Лениным» и т. д. и т. п. «Сейчас», — писал в этой статье Каменев 25 мая 1933 года, — что соразмерные политические воззрения тов. Сталина, выходящие из тех же предположений, которые выставляли члены партии в октябре 1917 г. выступили противниками политики Ленина. Маша и Степан, Каменев старается доказать свой разрыв со старыми друзьями и заканчивает статью призывом отбросить всякое сопротивление, мешающее делу строительства социализма.

Это было в мае 1933 года. А летом 1933 года после возвращения Каменева и Зиновьева на скамьи на скамье Зиновьева состоялся совещание троцкистско-зиновьевского центра для организации террористических актов против руководителей партии и советской власти. Протошныи здесь об этом Каменев был очень ярок. Между ними происходил диалог, который и позволил себе напомнить. Я спрашивал:

«Как оценить ваши статьи и заявления, которые вы писали в 1933 году и в которых выражали предательство партии. Обман?»

Каменев: Нет, хуже обмана.

Вышинский: Вероломство?

Каменев: Хуже!

Вышинский: Хуже обмана, хуже вероломства — найдите это слово. Каменев?

Каменев: Вы его нашли!

Дальше он говорил, что делал это не только по согласию с Зиновьевым, что эти его поступки имели место по исполнению заранее выпущенного плана захвата власти, который советался с необходимостью завоевания доверия.

Маленькая подробность, которая имеет некоторое значение для определения морального, если угодно, идеологического уровня обвиняемого Каменева, для характеристики нитересов, которыми он жил в то время.

4. Контрреволюционная террористическая деятельность троцкистов-зиновьевцев — полностью доказана

Я перехожу к второй части своей обвинительной речи, к практической деятельности так называемого обвинительного центра и к характеристике роли в этом преступном заговоре против советской власти каждого из подсудимых. Не подлежит никакому сомнению, что обвиняемые Зиновьев, Каменев и некоторые другие, состоявшие в троцкистской группе, состоявшие осенью 1932 года, возникли и окрепли на почве и на основе взаимного признания террора в качестве единственного и решающего средства борьбы за власть, — борьба, которая тогда была основной и главной задачей троцкистов и зиновьевцев. Организация была. Подпольная, контрреволюционная, террористическая группа была. Существовала и действовала. Как бы Смирнов ни пытался здесь оспаривать это, ему опровергнуть это не удастся. Сильные факты, сильное много данных для того, чтобы мы, обвиняемые, имели полное основание утверждать, что такая подпольная, контрреволюционная, троцкистско-зиновьевская группа была; что эта террористическая организация была создана; что она именно была создана как террористическая; что она развращала свою деятельность именно как террористическую деятельность; что она поощряла террористические покушения и что одно из этих покушений, к нашему величайшему несчастью и ужасу, — злодейское убийство 1 декабря 1934 года Сергея Мироновича Кирова — она и осуществила. Это самое ужасное из всех преступлений, которое удалось осуществить этой организации.

В январе 1935 года мы судили «московский центр» в связи с состоявшимся незадолго до, две недели до этого, судебным процессом над так называемым «ленинградским центром», по которому были осуждены и расстреляны Николаев Л., Котловников, Румянцев, Соколов и ряд других. Мы тогда еще не знали всех подлинных и действительных авторов, подстрекателей и участников этого чудовищного злодеяния. Мы тогда стояли на верном пути. Следствие, руководимое НКВД,шло по правильному и верному пути разоблачения настоящих организаторов этого преступления, хотя состояние добытых доказательств лишало нас возможности

для характеристики его некоторых истинных правдивых позитивов.

Я позволю себе сослаться на одну книжку Макишавели (том I-II). Она издана в 1934 г. издательством «Академия», которым руководил тогда Каменев, с предисловием Каменева. Очень интересная книга. Она была написана в XVI веке. Автор написал эту книгу для князя, изучая его науку управления государством в соответствии с его книжескими интересами. Макишавели писал: «Вы должны знать, что бороться можно двумя: один род борьбы — это закон, другой — сила; первый свойственен человеку, второй — зверю».

Так как, однако, первого очень часто недостаточно, — приходится обращаться ко второму. Князь необходимо владеть природой как зверя, так и человека».

Каменеву это очень понравилось, и он написал в кратком предисловии к этой книге несколько «следующих интереснейших слов: «Мастер политического афоризма — блестящий диалектик...» (Это Макишавели, по Каменеву, диалектик). Этот прожженный лгуш, оказавшийся, диалектиком!.. «Мастер политического афоризма...» Хорош афоризм! Макишавели писал: действуйте при помощи закона — это свойственно людям, при помощи силы — это свойственно зверю, — следуя этой звериной политике, и ты, говорит Макишавели, достигнешь своих целей. И это поощрял Каменев, называя «мастерством политического афоризма».

Послушаем, что пишет Каменев дальше. «Диалектик, поощряющий из своих поблостей творческое убеждение в относительности всех понятий и критериев добра и зла, дозволенного и недозволенного, законного и незаконного...» Но Каменеву это, очевидно, и есть диалектика: смешать преступное с не преступным, законное с незаконным, добро со злом — в этом новое «марксистское» объяснение диалектики на примере Макишавели.

«Макишавели», — писал Каменев в 1934 году, ссылаясь на своего тридцатипятилетнего по острою и выразительности каталог правды, который должен руководствоваться современным ему правитель, чтобы завоевать власть, удерживать ее и победоносно противостать всем погуманным на нем. Хорош у нас, Каменев, был учитель, но вы (в этом паде вы слыте должно) презирали своего учителя.

Дальше вы пишете в этом предисловии: «Это — далеко еще не социология власти, но зато из-за этой репутации выступают эволюционные черты борьбы за власть в обществе рабовладельцев, основанном на господстве богатого меньшинства над трудящимся большинством».

Это — так. Но вы хотели эти методы борьбы и принципы борьбы, достойные рабовладельцев, перенести в наше общество, применить против

предателя тогда Каменеву, Зиновьеву, Евдокимову, Бакаеву, прямое обвинение в организации этого убийства, в руководстве этим убийством, в осуществлении этого убийства.

В приводе по делу на так называемом «московском центре», в котором главную роль играли Каменев, Зиновьев, Евдокимов и некоторые другие, об их роли было сказано лишь то, что они разлагали лишь террористические настроения своих сообщников, что они объективно подстрекали к убийству, создавали обстановку поху, на которой должно было неизбежно вырасти и в действительности выросло это преступление.

Будучи абсолютно объективным, следствие и обвинительная власть не прижали тогда Каменеву, Зиновьеву, Евдокимову и Бакаеву обвинение в прямом подстрекательстве, прямой организации этого убийства. И обвинительным заключением было сказано, что следствием не установлено этого прямого их участия.

Однако, все данные, бывшие в руках следственных органов, позволяли говорить о том, что эти лица — Каменев, Зиновьев, Бакаев и Евдокимов — были тесно связаны с этим преступлением и, как они сами тогда выражались, должны были нести полную моральную и политическую ответственность за него.

В соответствии с этим по делу «московского центра» и был вынесен сравнительно мягкий приговор в отношении Каменева, Зиновьева, Евдокимова и Бакаева — только лишение свободы.

Каменев, Зиновьев, Евдокимов и Бакаев сделали все, что только можно было для того, чтобы извратить действительное положение вещей, скрыть подлинных организаторов и соучастников преступления. Они пытались изобразить дело так, что руки своей они к этому грязному и подлому делу не прикладывали. При этом, говоря высоким стилем, они заявляли, что контрреволюция избрала их оружием своей преступной деятельности. Не они извоили контрреволюцию оружием своей борьбы, а контрреволюция избрала их своим оружием.

И Зиновьев, и Каменев, и Бакаев, и Евдокимов пытались всячески уверить и доказать, что кроме морали

нашего общества, против социализма. «Так, пишет вы, этот секретарь флорентийских банщиков и их послы при папском дворе, волю или не волю, создали сварад громадной вырвчатой силы, который в течение веков бесновало уны господствующих...» Вы, Каменев, первый переисла эти правды. Макишавели и разлагал их по величайшей беспринципности и беззастенчивости, модернизировали и усовершенствовали их.

Я вас не прошу, товарищи судьи, рассматривать эту книгу в качестве одного из вещественных доказательств по данному делу. Я вовсе не оперирую этой книгой для того, чтобы доказать виновность подсудимых в тех преступлениях, в которых они обвиняются. Я просто счел необходимым отдать этому обстоятельству несколько минут внимания, для того, чтобы показать тот идейный источник, которым питались в это время Каменевы и Зиновьевы, пытающиеся еще и сейчас на процессе сохранить благородный вид марксистов, умевших мыслить и рассуждать в соответствии с принципами марксизма-ленинизма.

Бросьте эту потрошную книжечку. Откройте наконец и до конца своей ступице лица. Здесь о князе Макишавели Каменев говорит, как о старине огромной вырвчатой силы. Очевидно, Каменев и Зиновьев хотели воспользоваться этим стариком, чтобы порвать и наше социалистическое общество. Простите, но! И хотя Макишавели перед нами щенок и деревенщина, но все же он был из духовных мастеров. Вы из «макишавелизма», афоризмные терпели для себя источник нашей деятельности и наших преступлений. Теперь это разоблачено самим Зиновьевым и Каменевым: убийства, коварство, вероломство и маскировка были одним из основных, решающих методов их преступной деятельности.

Зиновьев и Каменев откровенно, хотя и испуганно, признали вчера, что именно это входило в план их деятельности. Об этом говорил здесь Рейнгольд, об этом говорил здесь и другие подсудимые и знаю, что характеристика этих методов достаточно черпана представленных мною материалах. Подводя итоги этой части своей речи, я могу сказать о том, что троцкистско-зиновьевский центр был организован на террористической основе и имел свою программу, правда очень примитивную и простую, выражавшуюся в немногих словах, для осуществления которой не нужно было затрачивать даже и тех двух часов, о которых говорили здесь с презрением сами подсудимые. Их программа внутренне и политически исчерпывалась убийством, их программа внешней политики — поражение СССР в войне, их метод — переломом, коварством, изменой.

Зиновьев и Каменев откровенно, хотя и испуганно, признали вчера, что именно это входило в план их деятельности. Об этом говорил здесь Рейнгольд, об этом говорил здесь и другие подсудимые и знаю, что характеристика этих методов достаточно черпана представленных мною материалах. Подводя итоги этой части своей речи, я могу сказать о том, что троцкистско-зиновьевский центр был организован на террористической основе и имел свою программу, правда очень примитивную и простую, выражавшуюся в немногих словах, для осуществления которой не нужно было затрачивать даже и тех двух часов, о которых говорили здесь с презрением сами подсудимые. Их программа внутренне и политически исчерпывалась убийством, их программа внешней политики — поражение СССР в войне, их метод — переломом, коварством, изменой.

Зиновьев и Каменев откровенно, хотя и испуганно, признали вчера, что именно это входило в план их деятельности. Об этом говорил здесь Рейнгольд, об этом говорил здесь и другие подсудимые и знаю, что характеристика этих методов достаточно черпана представленных мною материалах. Подводя итоги этой части своей речи, я могу сказать о том, что троцкистско-зиновьевский центр был организован на террористической основе и имел свою программу, правда очень примитивную и простую, выражавшуюся в немногих словах, для осуществления которой не нужно было затрачивать даже и тех двух часов, о которых говорили здесь с презрением сами подсудимые. Их программа внутренне и политически исчерпывалась убийством, их программа внешней политики — поражение СССР в войне, их метод — переломом, коварством, изменой.

Зиновьев и Каменев откровенно, хотя и испуганно, признали вчера, что именно это входило в план их деятельности. Об этом говорил здесь Рейнгольд, об этом говорил здесь и другие подсудимые и знаю, что характеристика этих методов достаточно черпана представленных мною материалах. Подводя итоги этой части своей речи, я могу сказать о том, что троцкистско-зиновьевский центр был организован на террористической основе и имел свою программу, правда очень примитивную и простую, выражавшуюся в немногих словах, для осуществления которой не нужно было затрачивать даже и тех двух часов, о которых говорили здесь с презрением сами подсудимые. Их программа внутренне и политически исчерпывалась убийством, их программа внешней политики — поражение СССР в войне, их метод — переломом, коварством, изменой.

Зиновьев и Каменев откровенно, хотя и испуганно, признали вчера, что именно это входило в план их деятельности. Об этом говорил здесь Рейнгольд, об этом говорил здесь и другие подсудимые и знаю, что характеристика этих методов достаточно черпана представленных мною материалах. Подводя итоги этой части своей речи, я могу сказать о том, что троцкистско-зиновьевский центр был организован на террористической основе и имел свою программу, правда очень примитивную и простую, выражавшуюся в немногих словах, для осуществления которой не нужно было затрачивать даже и тех двух часов, о которых говорили здесь с презрением сами подсудимые. Их программа внутренне и политически исчерпывалась убийством, их программа внешней политики — поражение СССР в войне, их метод — переломом, коварством, изменой.

Зиновьев и Каменев откровенно, хотя и испуганно, признали вчера, что именно это входило в план их деятельности. Об этом говорил здесь Рейнгольд, об этом говорил здесь и другие подсудимые и знаю, что характеристика этих методов достаточно черпана представленных мною материалах. Подводя итоги этой части своей речи, я могу сказать о том, что троцкистско-зиновьевский центр был организован на террористической основе и имел свою программу, правда очень примитивную и простую, выражавшуюся в немногих словах, для осуществления которой не нужно было затрачивать даже и тех двух часов, о которых говорили здесь с презрением сами подсудимые. Их программа внутренне и политически исчерпывалась убийством, их программа внешней политики — поражение СССР в войне, их метод — переломом, коварством, изменой.

Зиновьев и Каменев откровенно, хотя и испуганно, признали вчера, что именно это входило в план их деятельности. Об этом говорил здесь Рейнгольд, об этом говорил здесь и другие подсудимые и знаю, что характеристика этих методов достаточно черпана представленных мною материалах. Подводя итоги этой части своей речи, я могу сказать о том, что троцкистско-зиновьевский центр был организован на террористической основе и имел свою программу, правда очень примитивную и простую, выражавшуюся в немногих словах, для осуществления которой не нужно было затрачивать даже и тех двух часов, о которых говорили здесь с презрением сами подсудимые. Их программа внутренне и политически исчерпывалась убийством, их программа внешней политики — поражение СССР в войне, их метод — переломом, коварством, изменой.

Зиновьев и Каменев откровенно, хотя и испуганно, признали вчера, что именно это входило в план их деятельности. Об этом говорил здесь Рейнгольд, об этом говорил здесь и другие подсудимые и знаю, что характеристика этих методов достаточно черпана представленных мною материалах. Подводя итоги этой части своей речи, я могу сказать о том, что троцкистско-зиновьевский центр был организован на террористической основе и имел свою программу, правда очень примитивную и простую, выражавшуюся в немногих словах, для осуществления которой не нужно было затрачивать даже и тех двух часов, о которых говорили здесь с презрением сами подсудимые. Их программа внутренне и политически исчерпывалась убийством, их программа внешней политики — поражение СССР в войне, их метод — переломом, коварством, изменой.

Зиновьев и Каменев откровенно, хотя и испуганно, признали вчера, что именно это входило в план их деятельности. Об этом говорил здесь Рейнгольд, об этом говорил здесь и другие подсудимые и знаю, что характеристика этих методов достаточно черпана представленных мною материалах. Подводя итоги этой части своей речи, я могу сказать о том, что троцкистско-зиновьевский центр был организован на террористической основе и имел свою программу, правда очень примитивную и простую, выражавшуюся в немногих словах, для осуществления которой не нужно было затрачивать даже и тех двух часов, о которых говорили здесь с презрением сами подсудимые. Их программа внутренне и политически исчерпывалась убийством, их программа внешней политики — поражение СССР в войне, их метод — переломом, коварством, изменой.

Зиновьев и Каменев откровенно, хотя и испуганно, признали вчера, что именно это входило в план их деятельности. Об этом говорил здесь Рейнгольд, об этом говорил здесь и другие подсудимые и знаю, что характеристика этих методов достаточно черпана представленных мною материалах. Подводя итоги этой части своей речи, я могу сказать о том, что троцкистско-зиновьевский центр был организован на террористической основе и имел свою программу, правда очень примитивную и простую, выражавшуюся в немногих словах, для осуществления которой не нужно было затрачивать даже и тех двух часов, о которых говорили здесь с презрением сами подсудимые. Их программа внутренне и политически исчерпывалась убийством, их программа внешней политики — поражение СССР в войне, их метод — переломом, коварством, изменой.

Зиновьев и Каменев откровенно, хотя и испуганно, признали вчера, что именно это входило в план их деятельности. Об этом говорил здесь Рейнгольд, об этом говорил здесь и другие подсудимые и знаю, что характеристика этих методов достаточно черпана представленных мною материалах. Подводя итоги этой части своей речи, я могу сказать о том, что троцкистско-зиновьевский центр был организован на террористической основе и имел свою программу, правда очень примитивную и простую, выражавшуюся в немногих словах, для осуществления которой не нужно было затрачивать даже и тех двух часов, о которых говорили здесь с презрением сами подсудимые. Их программа внутренне и политически исчерпывалась убийством, их программа внешней политики — поражение СССР в войне, их метод — переломом, коварством, изменой.

Зиновьев и Каменев откровенно, хотя и испуганно, признали вчера, что именно это входило в план их деятельности. Об этом говорил здесь Рейнгольд, об этом говорил здесь и другие подсудимые и знаю, что характеристика этих методов достаточно черпана представленных мною материалах. Подводя итоги этой части своей речи, я могу сказать о том, что троцкистско-зиновьевский центр был организован на террористической основе и имел свою программу, правда очень примитивную и простую, выражавшуюся в немногих словах, для осуществления которой не нужно было затрачивать даже и тех двух часов, о которых говорили здесь с презрением сами подсудимые. Их программа внутренне и политически исчерпывалась убийством, их программа внешней политики — поражение СССР в войне, их метод — переломом, коварством, изменой.

Зиновьев и Каменев откровенно, хотя и испуганно, признали вчера, что именно это входило в план их деятельности. Об этом говорил здесь Рейнгольд, об этом говорил здесь и другие подсудимые и знаю, что характеристика этих методов достаточно черпана представленных мною материалах. Подводя итоги этой части своей речи, я могу сказать о том, что троцкистско-зиновьевский центр был организован на террористической основе и имел свою программу, правда очень примитивную и простую, выражавшуюся в немногих словах, для осуществления которой не нужно было затрачивать даже и тех двух часов, о которых говорили здесь с презрением сами подсудимые. Их программа внутренне и политически исчерпывалась убийством, их программа внешней политики — поражение СССР в войне, их метод — переломом, коварством, изменой.

Зиновьев и Каменев откровенно, хотя и испуганно, признали вчера, что именно это входило в план их деятельности. Об этом говорил здесь Рейнгольд, об этом говорил здесь и другие подсудимые и знаю, что характеристика этих методов достаточно черпана представленных мною материалах. Подводя итоги этой части своей речи, я могу сказать о том, что троцкистско-зиновьевский центр был организован на террористической основе и имел свою программу, правда очень примитивную и простую, выражавшуюся в немногих словах, для осуществления которой не нужно было затрачивать даже и тех двух часов, о которых говорили здесь с презрением сами подсудимые. Их программа внутренне и политически исчерпывалась убийством, их программа внешней политики — поражение СССР в войне, их метод — переломом, коварством, изменой.

Зиновьев и Каменев откровенно, хотя и испуганно, признали вчера, что именно это входило в план их деятельности. Об этом говорил здесь Рейнгольд, об этом говорил здесь и другие подсудимые и знаю, что характеристика этих методов достаточно черпана представленных мною материалах. Подводя итоги этой части своей речи, я могу сказать о том, что троцкистско-зиновьевский центр был организован на террористической основе и имел свою программу, правда очень примитивную и простую, выражавшуюся в немногих словах, для осуществления которой не нужно было затрачивать даже и тех двух часов, о которых говорили здесь с презрением сами подсудимые. Их программа внутренне и политически исчерпывалась убийством, их программа внешней политики — поражение СССР в войне, их метод — переломом, коварством, изменой.

Зиновьев и Каменев откровенно, хотя и испуганно, признали вчера, что именно это входило в план их деятельности. Об этом говорил здесь Рейнгольд, об этом говорил здесь и другие подсудимые и знаю, что характеристика этих методов достаточно черпана представленных мною материалах. Подводя итоги этой части своей речи, я могу сказать о том, что троцкистско-зиновьевский центр был организован на террористической основе и имел свою программу, правда очень примитивную и простую, выражавшуюся в немногих словах, для осуществления которой не нужно было затрачивать даже и тех двух часов, о которых говорили здесь с презрением сами подсудимые. Их программа внутренне и политически исчерпывалась убийством, их программа внешней политики — поражение СССР в войне, их метод — переломом, коварством, изменой.

Зиновьев и Каменев откровенно, хотя и испуганно, признали вчера, что именно это входило в план их деятельности. Об этом говорил здесь Рейнгольд, об этом говорил здесь и другие подсудимые и знаю, что характеристика этих методов достаточно черпана представленных мною материалах. Подводя итоги этой части своей речи, я могу сказать о том, что троцкистско-зиновьевский центр был организован на террористической основе и имел свою программу, правда очень примитивную и простую, выражавшуюся в немногих словах, для осуществления которой не нужно было затрачивать даже и тех двух часов, о которых говорили здесь с презрением сами подсудимые. Их программа внутренне и политически исчерпывалась убийством

